

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ФИЗИОКРАТОВ

Из ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Сборник статей

к 75-летию академика

Вячеслава Петровича Волгина

М.: изд-во АН СССР. 1955. С.283-298

Веб-публикация: библиотека *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2010.

Дополнительные ссылки на материалы в сети даны нами после статьи.

I

В XVIII в господствующей системой взглядов в области общественно-знания были естественноправовые идеи. В качестве реакции против богословско-схоластического миропонимания идеология естественного права представляла собой явление прогрессивное. В связи с естественным правом стояло стремление объяснить все явления, в том числе и общественные явления, естественными, даже просто физическими причинами. Это послужило основанием для возникновения так называемой «социальной физики» как особой отрасли знания.

Физиократия означает власть природы, «господство физики». Для физиократов общество представляло собой явление «физическое». Действующие в обществе закономерности были сведены к закономерностям физическим.

«Основными общественными законами,— говорит основоположник физиократизма Франсуа Кенэ,— являются законы естественного порядка, наиболее выгодного для человеческого рода. Эти законы бывают либо физические, либо моральные»¹.

В отличие от многих мыслителей XVIII в., признававших существование дообщественного состояния, физиократы стояли на той точке зрения, что естественным состоянием человека является общество, состояние общественное. Люди никогда не жили вне общества. «Общественность» составляет основную особенность человека. Общество для физиократов — «физическая необходимость», подлинное естественное состояние человека.

Физиократ Мирабо, выступая против «Общественного договора» Руссо, писал, что общество является не продуктом договора, соглашения, а «естественным порядком или формой существования людей»².

В природе человека, по учению физиократов, заложена необходимость общественной жизни. Следовательно, физиократы выводят общество из физической необходимости, выражающей сущность человеческой природы.

Другой весьма важный пункт, характеризующий учение физиократов, в отличие от Руссо, состоит в различении ими общества от государства.

Общество есть естественное, физическое явление, существующее независимо от воли человека. Оно находится в зависимости исключительно от объективных, физических условий. Государство же возникает на определенной ступени исторического развития общества и находится в зависимости от воли и действий людей.

¹ Oeuvres économiques et philosophiques de F. Quesnay, publiées avec introduction et des notes par Auguste Oncken, 1888, p. 637.

² Comte de Mirabeau, Essai sur le despotisme, 1776, p. 36—39 (Цит. по кн. В. Гунзберг, Die Gesellschafts- und Staatslehre der Physiokraten, 1907, S. 42).

Основные общественные законы установлены, по учению Кенэ, природой, или, как он выражается, творцом «для постоянного воспроизводства и распределения благ, необходимых для потребностей людей, соединенных в общество и подчиненных порядку, который предписывают им эти законы»¹.

Основные законы, о которых идет речь, суть законы неизблемые, им должна быть подчинена всякая человеческая власть, так как они составляют «естественное право людей»: они диктуют законы распределительной справедливости, учреждают силу, которая должна обеспечить защиту общества.

Соблюдение естественных основных законов возлагается на «опекаемую» власть, устанавливаемую обществом для того, чтобы она управляла им при помощи положительных законов, но в согласии с естественными законами.

«Положительные законы, — пишет Кенэ, — суть принудительные правила (*règles authentiques*), изданные верховной властью с целью установить порядок государственного управления, обеспечить соблюдение естественных законов, подкрепить или изменить обычаи и бытовые привычки, установившиеся в стране, регулировать частные права подданных, соответственно с их положением, авторитетно выяснить положительный порядок в сомнительных случаях, возникающих вследствие различия во мнениях и взглядах, и привести в исполнение решения распределительной справедливости. Управление заключается, таким образом, в установлении положительного порядка, наиболее выгодного для людей, соединенных в общество под авторитетом верховной власти»².

Государственная организация, как уже было отмечено, не является первоначальной формой существования людей. Она возникает как результат развития общества.

Идея постепенного развития общества и государства не чужда физиократам. Идея эволюции, постепенного прогресса была выдвинута Тюрго. Первоначальной ступенью в процессе становления социального тела, как они выражались, физиократы считали такое состояние общества, при котором люди ведут весьма примитивный образ жизни, питаются растительной пищей, которую находят и собирают для поддержания своего существования. Они ведут мирный образ жизни. Общество покоится на «кровной» связи, так как основная форма общения — это семья с отцовской властью во главе.

Вторая стадия социального прогресса характеризуется переходом от собирания плодов и разных растительных предметов, годных для питания, к рыболовству и охоте — «к умерщвлению живых существ».

Как в первой, так и во второй стадии еще нет общественных классов. Однако уже общая охота влечет за собой необходимость в руководстве. Третья стадия характеризуется развитием скотоводства и, следовательно, пастушеского образа жизни.

Тюрго в своем «Рассуждении о всеобщей истории» дал картину исторического развития человечества, наметив отдельные стадии в этом процессе.

---

¹ «Ces lois sont établies à perpétuité par l'Auteur de la nature, pour la reproduction et la distribution continuelles des biens qui sont nécessaires aux besoins des hommes réunis en société et assujettis à l'ordre que ces lois leur prescrivent». (*Oeuvres économiques...*, p. 637).

² Ф. Кенэ. Выбранные места, 1896, стр. 28. Перевод последнего абзаца не совсем точный. В подлиннике сказано: «Ainsi le gouvernement et l'ordre naturel et positif...» (там же, стр. 638).

Пастушеские народы, говорит Тюрго, владея более обширными средствами существования, стали более богатыми; среди них началась дифференциация: более богатые прониклись духом собственности. Пастушеские народы первыми перешли к земледелию. Земледельцы, в отличие от пастушеских племен, не являются завоевателями. «Труд по обработке земли слишком поглощает их; но, будучи более богатыми, чем другие народы, они вынуждены защищаться против насилия. Сверх того, земля питала у них большее количество людей, чем это нужно было для хлебопашества»¹.

На фундаменте земледельческого общества развивается государственная организация, или «политическое тело».

«Одни только земледельческие нации,— говорит Кенэ,— могут образовать прочные и долговечные государства, способные к общему неизбежному управлению, в точности подчиненному неизменному строю естественных законов, так что, в подобных случаях, само земледелие образует основание этих государств, предписывает и устанавливает порядок их управления, являясь источником благ, удовлетворяющих потребностям народов; но и развитие или упадок земледелия, в свою очередь, необходимо зависит от формы правления»².

В основе государства лежит собственность. Государство образовалось в результате возникновения собственности на землю. Земельные собственники заняли в обществе господствующее положение. Своим трудом по обработке земли, учат физиократы, они отвоевали от природы ее плоды и вследствие этого стали ее собственниками и сохранили право собственности и тогда, когда непосредственная обработка земли была перенесена на *salariés* (получающих зарплату).

Собственники земли получают отныне от земледельца средства к собственному существованию.

Чрезвычайно занятно рассуждение по этому поводу Тюрго. Он пишет: «Собственник нуждается в земледельце в силу физической необходимости, согласно которой земля не производит ничего без труда; но земледelec нуждается в собственнике только в силу человеческих соглашений и гражданских законов, которые обеспечивают первым из возделывающих землю и их наследникам право собственности на занятые земли и даже после того, как они перестали их обрабатывать»³.

Никакого «соглашения» между земельными собственниками, захватившими земли, и земледельцами, обрабатывающими ее, никогда не было, если говорить о добровольном соглашении, а не о насилии.

Тюрго как бы сокрушается еще по поводу того, что землевладелец в качестве собственника вынужден отдать земледельцу какую-то долю за его труд. Характерно следующее замечание Тюрго: «Земледelec, получая лишь одно вознаграждение за труд, сохраняет, однако, свое естественное и физическое преимущество, которое делает из него первую двигательную силу в общественном механизме. Благодаря тому же преимуществу, только от его труда зависят как его собственные средства к существованию, так и богатство собственника и заработная плата за всякий другой труд»⁴.

Земельный собственник, который эксплуатирует труд земледельца, присваивает себе продукты его труда, является настоящим паразитом. Этот паразит сосредоточивает еще в своих руках общественную и политическую власть. Единственное «утешение», которое Тюрго оставляет

¹ А. Р. Тюрго. Избранные философские произведения, 1937, стр. 84.

² Ф. Кенэ. Указ. соч., стр. 44—45.

³ А. Р. Тюрго. Размышления о создании и распределении богатств, 1905, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 9—10.

земледельцу, — это сознание того, что он-то является «главной движущей силой в общественном механизме» и что только от его труда зависит существование всего общества.

Среди «земледельцев» физиократы различают капиталистических руководителей сельскохозяйственных предприятий, арендаторов (или *fermier*) от настоящих рабочих (*salariés*). К производительному классу физиократы относили только арендаторов, но отнюдь не сельскохозяйственных рабочих, вопреки вышеприведенному мнению Тюрго.

По этому поводу правильно замечает автор книги «Теория общества и государства у физиократов»¹, что большинство населения — сельскохозяйственные и индустриальные рабочие — обрекаются на положение непроизводительных классов, которые фактически существуют вне общества.

Единственным источником богатства, по учению физиократов, является земледелие, так как только труд земледельца производит «нечто сверх заработной платы за труд», как выражается Тюрго.

Из этого следует, что производителен только труд, создающий прибавочную стоимость. В признании того, что производителен только труд, создающий прибавочную стоимость, Маркс видел заслугу физиократов.

Физиократы, — пишет Маркс, — перенесли вопрос о происхождении прибавочной стоимости из области обращения в область непосредственного производства и тем положили основание анализу капиталистического производства.

Совершенно правильно то их основное положение, что *производителен* только труд, создающий *прибавочную* стоимость, «т. е. только такой труд, в продукте которого содержится стоимость, превышающая сумму стоимостей, потребленных во время производства этого продукта»².

Наиболее, может быть, очевидно, что рабочий воспроизводит свои средства существования и сверх этого производит еще излишек, — в земледелии. В промышленности это не так очевидно; «...земледельческий труд есть единственный *производительный труд*, так как, по их мнению, это единственный труд, *создающий прибавочную стоимость*, а *земельная рента есть единственная форма прибавочной стоимости*, известная им». Они наводят, что в промышленности рабочий «не увеличивает количества вещества: он лишь изменяет форму последнего. Материал — масса вещества — дается ему земледелием»³.

Будучи формой прибавочной стоимости, говорит Маркс, земельная рента, присущая земледельческому труду как единственному труду, создающему прибавочную стоимость, представляет всеобщую форму прибавочной стоимости.

Таким образом, промышленная прибыль и денежный процент, по мнению физиократов, являются разветвлениями земельной ренты. В этом одна из коренных ошибок физиократов, так как на самом деле первоначальной формой, в которой капитал присваивает прибавочную стоимость, является промышленная прибыль: проценты и земельная рента представляют только разветвления промышленной прибыли.

Возможность возникновения прибавочного труда и прибавочной стоимости, говорит Маркс, обуславливается известной степенью производительности, которая дает возможность производить больше того, что необходимо для поддержания процесса существования. Так как эта степень

¹ В Gunzberg Указ. соч.

² К Маркс. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала») ч. I. М., 1954, стр. 12

³ Там же, стр. 12—13.

производительности труда была прежде всего достигнута в земледелии, она кажется даром природы, производительной силой природы.

В промышленности силы природы в большом размере начинают применять только с развитием крупной промышленности. Базисом для развития капитала служит некоторая определенная степень развития земледелия.

Маркс обращает внимание на то, что физиократизм — первая система, которая анализирует капиталистическое производство. И самое замечательное в характеристике Маркса, данной физиократизму, состоит в том, что эта система является как бы буржуазным воспроизведением феодальной системы господства земельной собственности; и те отрасли промышленности, в которых капитал впервые самостоятельно развивается, кажутся ей, наоборот, «непроизводительными» отраслями, простыми добавками земледелия. Первое условие развития капитала есть отделение земельной собственности от труда, противопоставление земли, этого коренного условия труда, свободному рабочему, как самостоятельной силы, сосредоточенной в руках особого класса. И когда дело изображается с этой стороны, то землевладелец представляется настоящим капиталистом, т. е. присвоителем прибавочного труда. Таким образом феодализм восстанавливается и объясняется *sub specie*¹ буржуазного производства; земледелие же кажется той отраслью производства, в которой только и имеет место капитализм, т. е. производство прибавочной стоимости. «В то время как феодализм благодаря этому приобретает буржуазный характер, буржуазное общество принимает феодальную видимость»².

Эта характеристика Маркса замечательно глубоко вскрывает природу физиократизма: это восстановленный под видом буржуазного производства феодализм или буржуазное общество в феодальном костюме. Переход от феодализма к капитализму совершается в недрах феодального общества и носит на себе до поры до времени все черты феодализма, но, с другой стороны, это уже не феодализм, а новая формация — капитализм, который получает, однако, еще свое освещение и объяснение в формах феодальных. Физиократы являются идеологами аграрного капитализма. «Этикетка системы, говорит Маркс, отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца». Физиократы искренно верили в свою феодальную вывеску. Но «в действительности же система физиократов является первой систематической концепцией капиталистического производства»³.

«Несмотря на свою феодальную оболочку,— правильно пишет В. П. Волгин,— несмотря на антиисторичность ее естественноправового обоснования, теория физиократов представляет крупный шаг вперед в развитии экономической мысли. Физиократы первые подошли к исследованию форм производства как форм естественно необходимых, подчиняющихся определенной внутренней закономерности, а не воле законодателя. Они первые дали изображение капиталистического хозяйства как цельной системы. Они значительно продвинули вперед понимание категорий капитализма, подготовив тем самым почву для классиков буржуазной политической экономии, в первую очередь для Адама Смита»⁴.

Физиократизм в качестве экономической системы лежит в основе философской, социологической и политической доктрины физиократов.

¹ Под углом зрения.— *Ред.*

² К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. I, стр. 16.

³ К. Маркс. Капитал, 1953, т. II, стр. 359.

⁴ В. П. Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789), 1940, стр. 25.

Социальный строй рассматривается физиократами как выражение космического строя. Государственная, экономическая и общественная жизнь покоится на «естественных основаниях». Космос представляет собой, по мнению физиократов, гармоническое целое, управляемое физическими законами. Подобно тому как Ньютон и другие великие естествоиспытатели открыли законы физического мира, так и Кенэ и его единомышленники открыли физические законы социального космоса, который составляет часть физического космоса. Бог создал совершенный мировой порядок. Человек может познавать этот порядок в интересах пользы, выгоды, которые он хочет извлечь из этого мирового порядка. Экономический порядок находится в теснейшей связи с мировым порядком. Естественное право у физиократов поглощается «экономическим естественным правом». То, что именуется у них термином «Droit Naturel», есть не что иное, как хозяйственное право. Хозяйственный порядок необходимо привести в гармонию с мировым порядком. Положительное законодательство должно быть в гармонии с естественными законами. Иначе говоря, естественные законы должны превратиться в положительные законы. Такова задача государства. Оно должно стремиться к тому, чтобы ликвидировать те положительные законы, которые противоречат естественным законам. Свобода состоит в устранении всех дурных законов и во введении естественного порядка¹.

«Естественное право (Droit Naturel) человека,— говорит Кенэ,— может быть определено приблизительно как право человека на вещи, пригодные для его пользования»².

Кенэ проводит различие между естественным правом и законным, т. е. установленным, правом. «Естественное право людей,— пишет Кенэ,— отличается от законного (legitime) права, или права, принудительно установленного человеческими законами, тем, что с очевидностью признается светом разума и в силу одной только этой очевидности, помимо какого-либо принуждения, обязательно; тогда как законное право, ограниченное положительным законом, обязательно в силу наказания, установленного санкцией этого закона за его нарушение, и признается нами лишь вследствие простого указания закона. Этими различными условиями определяется вся область применения естественного права и его различия от права законного»³.

По вопросу об естественном праве человека Кенэ анализирует воззрения тех философов и вообще теоретиков, главным образом, впрочем, Гоббса, которые исходят из идеи, что в первобытном состоянии, при котором существует абсолютная независимость людей друг от друга и состоящие войны между ними, каждый имеет право на все. Вступая в граждан-

¹ W. Hasbach. Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von Quesnay und Adam Smith begründeten politischen Oekonomie, 1890, S. 60.

² «Le droit naturel de l'homme peut être défini vaguement le droit que l'homme a aux choses propres à sa jouissance». (Daire, Physiocrates, t. I, p. 41); Oeuvres économiques..., p. 359.

³ «Le droit naturel des hommes diffère du droit légitime ou du droit décerné par lois humaine, en ce qu'il est reconnu avec évidence par les lumières de la raison et que par cette évidence seule, il est obligatoire indépendamment d'aucune contrainte; au lieu que le droit légitime limité par une loi positive est obligatoire en raison de la peine attachée la transgression par la sanction de cette loi, quand même nous ne le connaissons que par la simple indication énoncée dans la loi. Par ces différentes conditions on voit toute l'étendue du droit naturel et ce qui le distingue du droit légitime» (Oeuvres économiques..., p. 365).

ское состояние, человек лишается «законной властью» известной части естественного права, которое имеет на вещи, и тем самым лишается своего общего права, поступает в зависимость от других. Этой точке зрения Кенэ противопоставляет другую точку зрения. Естественное право всех на все представляет собой пустой софизм, так как человек может претендовать лишь на те вещи, которыми он может овладеть. Таким образом, естественное право каждого человека «сводится в действительности к той части, которую он может добыть своим трудом». То, что он добывает своим трудом, является его собственностью. Люди пользуются естественным правом на вещи лишь благодаря труду. «Право всех на все сводится, таким образом, к праву на ту долю, которую каждый из людей может себе обеспечить, причем безразлично, живет ли он охотой, рыбной ловлей или естественно растущими произведениями земли. Но для того, чтобы совершать и успевать в этих поисках, требуются известные физические и интеллектуальные способности, а также инструменты и орудия, необходимые для того, чтобы люди имели возможность действовать и удовлетворять свои потребности»¹. По мнению Кенэ, люди в первобытном состоянии сильно ограничены в пользовании своим естественным правом. Наоборот, в гражданском обществе, где существует взаимная помощь и где люди заключают между собой соглашения и обязательства относительно взаимной помощи, пользование естественным правом обеспечивается общественной организацией. Иначе говоря, общественный, т. е. гражданский, строй имеет своей задачей осуществление естественных прав человека. Положительное законодательство призвано реализовать подлинные естественные права. Основная задача общественной власти состоит в обеспечении и охране собственности и свободы.

«Итак,— говорит Кенэ,— форма общества зависит в большей или меньшей степени от рода имущества, которым каждый владеет, или может владеть, и охранение и собственность над которым хочет обеспечить.

Таким образом, люди, которые ставят себя в зависимость или, точнее, под охрану положительных законов и попечительной власти, значительно расширяют свою способность быть собственниками; следовательно, вместо того, чтобы сузить пользование своим естественным правом, они значительно расширяют его»².

Исходной позицией для всего учения физиократов является человек. В XVIII в. господствовал философский и политический индивидуализм. Физиократы явились теоретиками экономического индивидуализма со всеми отсюда вытекающими последствиями.

Каждый человек, отдельный индивид наделен от природы определенными потребностями и свойствами, дающими ему возможность самосохранения. В основе всей жизни человека лежит его стремление к самосохранению. Это и его право. Это дает ему право приобретать трудом необходимые средства существования. Следуя за Локком, физиократы ставят на первое место не понятие свободы, а идею собственности, из которой выводится понятие свободы. Это весьма существенное обстоятельство, бросающее яркий свет на природу буржуазного общества в целом. Личная свобода есть не что иное, как личная собственность.

Естественное право индивида на самосохранение дает ему право и даже обязанность на свободное развитие. Самосохранение провозглашено обязанностью человека перед богом, а вместе с самосохранением и право

¹ Oeuvres économiques..., p. 367—368; см. Ф. Кенэ. Указ. соч., стр. 8.

² Ф. Кенэ. Указ. соч., стр. 18.

собственности возведено в «божественное» право и в обязанность перед богом. Вот как буржуазия обосновывала свое господство!

Право на свободу есть неизбежное следствие права собственности. Сама свобода человека есть его личная собственность (*propriété personnelle*), которая является первым основанием всех других прав¹. Личность и собственность слиты воедино и, следовательно, неразрывны, неотделимы друг от друга. Кто посягает на собственность, тот уже тем самым посягает и на личность и на свободу. Собственность и свобода в качестве «естественных прав» предшествуют образованию государства, которое не может в силу этого посягать ни на собственность, ни на свободу личности. Так буржуазия идеологически обеспечила свою «безопасность».

Собственность и свобода (свобода приобретательства) составляют фундамент капиталистического общества, т. е. того общества, идеологами которого являются физиократы. Каждый индивид имеет право и обязан распоряжаться своей свободой в интересах «самосохранения», в интересах защиты и приумножения собственности. Поэтому общественный строй должен быть построен на началах экономического индивидуализма, на началах экономической свободы, свободной конкуренции. Результатом свободной конкуренции, свободной игры сил является гармония интересов, также предусмотренная божественным планом мироздания.

Задача государственной власти состоит в том, чтобы обеспечить свободу конкуренции, устранить всякие препятствия, стоящие на пути свободы и конкуренции. Само государство не имеет права вмешиваться во взаимные отношения хозяйственных субъектов, в том числе, конечно, — и это в первую очередь — во взаимоотношения капитала и труда.

Отсюда и то ложное учение, будто государство есть такая организация, которая стоит над всем обществом, над классами и служит благу всего общества. Тем самым мнимый надклассовый характер государства был «обоснован» философией экономического индивидуализма, который лег также в основу философии буржуазного либерализма как общей политической доктрины. Манчестерство представляло собой дальнейшее развитие физиократизма.

Какой же должна быть верховная власть? Физиократы, как известно, были сторонниками монархического образа правления.

«Власть, — говорит Кенэ, — должна быть едина и беспристрастна в своих решениях и действиях; поэтому она должна быть сосредоточена в одном властителе, который один имел бы исполнительную власть и полномочие побуждать граждан к соблюдению законов, охранять права каждого гражданина от остальных граждан, защищать слабых от сильных, предупреждать и подавлять противозаконные предприятия, злоупотребления и притеснения внутренних и внешних врагов государства»².

Физические законы, которые устанавливают естественный порядок и с точностью определяют естественное право всех людей, являются законами «вечными, неизменными и несомненно лучшими законами, какие только могут существовать. Их очевидность повелительно подчиняет всякий человеческий рассудок и разум, проявляясь в деталях с геометрической и арифметической точностью, не допускающей никакого места для заблуждений, обмана и незаконных притязаний»³,

¹ «La propriété personnelle est le premier principe de tous les autres droits; sans elle, il n'est plus ni propriété mobilière, ni propriété foncière, ni société» (Mercier de la Rivière. *L'ordre naturel et essentiel des Sociétés Politiques*, 1767, t. I, p. 45). W. H a s b a c h. Указ. соч., S. 61.

² Ф. Кенэ. Указ. соч., стр. 30.

³ Там же, стр. 42.

Собственность и личная свобода гарантированы естественными законами, т. е. творцом мирового порядка, творцом природы.

Учение физиократов — поразительно откровенная защита интересов собственников, беззащитная защита богатых.

«Богатые собственники, — говорит Кенэ, — установлены Провидением, дабы безвозмездно отправлять наиболее почетные публичные должности, и нация должна всецело вверять им свои интересы и безопасность»¹.

Эта рабовладельческая идеология пышно процветает и в наше время в США, где мещанство и лакеи империализма воспевают магнатов капитала как посланцев провидения на землю, призванных облагодетельствовать человечество. Физиократы требовали, чтобы общественная власть была вверена богатым собственникам, т. е. смертельным врагам трудящихся. Как будто и при жизни физиократов власть не находилась в руках крупных собственников. К каким результатам власть помещиков и капиталистов привела народы, каждому ныне слишком очевидно.

III

Изложив кратко экономические основы учения физиократов, мы имеем возможность остановиться более подробно на их политических и социологических взглядах. Мы вынуждены вследствие этого вернуться к проблеме собственности, так как она составляет тот стержень, вокруг которого вращается вся их система, как и все мышление и все теории буржуазии.

Личная собственность — это, по их учению, право индивида располагать своей личностью. Право собственности есть фундаментальное, основное право человека². Всякое нарушение права собственности есть не что иное, как покушение на личную свободу, на жизнь индивида. Все мыслители XVIII столетия, за редким исключением, как Морелли и Мабли, развивали в своих трудах философию индивидуализма, неразрывно связанную с учением о праве частной собственности, отражая интересы буржуазии. Новая эпоха — эпоха возникновения и расцвета капитализма — требовала новой философии собственности, на базе которой развивалась капиталистическая система. Не только Монтескье, Локк, Бурламаки, но и Руссо выступили с оправданием частной собственности³. Собственность одного лица имеет свою границу только в собственности другого. Жорж Велерс правильно подчеркивает, что физиократы, конечно, не являются творцами «права собственности», но они сделали больше, чем кто-либо другой, для укрепления ее, для перенесения этого «основания» общества из сферы моральной и юридической в область социальную и экономическую.

Человек сам собственник своей личности. Свобода, как разъясняет Мерсье де ла Ривьер, есть собственность личности. Отсюда физиократы, вслед за Локком, сделали вывод о том, что человек является собственником не только своего труда, но и всего, что им захвачено и приобретено. Физиократы защищают не интересы труда, а интересы капиталистов, интересы крупных собственников.

¹ «Les riches propriétaires sont établi par la providence pour exercer sans rétribution les fonctions publiques les plus honorables, auxquelles la nation doit livrer avec confiance ses intérêts et sa sûreté» (Oeuvres économiques..., p. 656).

² G. Weulersse. Le mouvement physiocratique en France de 1756 à 1770, t. II, 1910, p. 9. «La loi de propriété doit régir les relations entre Etats comme les rapports entre individus; elle est le fondement du droit des gens...»

³ «Montesquieu avait posé le principe de l'inviolabilité de la propriété privée; et Rousseau lui-même avait proclamé que c'était „le plus sacré de tout les droits, le vrai fondement de la société civile, le vrai garant des engagements des citoyens”» (Там же, стр. 14).

Одним из существеннейших принципов физиократической теории является свобода: свобода труда, торговли, конкуренции — словом, свобода во всех областях жизни. Это положение получило свое «классическое» выражение в лозунге «laissez faire, laissez passer», впервые провозглашенном одним из основателей физиократизма — Гурнэ, оказавшим большое влияние на Тюрго, который после его смерти посвятил ему «похвальное слово» (Éloge)¹.

Гурнэ создал первую экономическую школу, предшественницу физиократической школы. Онкен оспаривает оригинальность Гурнэ. Он даже отказывает ему в авторстве основного положения физиократов «laissez faire, laissez passer», указывая на то, что оно отчасти принадлежит купцу Лежандру, отчасти д'Аржансону². Но нас это обстоятельство мало тревожит. Важно то, что этот лозунг или эта формула стала основой целого общественного и политического учения, что в этом лозунге обобщена в краткой формуле доктрина физиократов — как доктрина экономическая, так и доктрина политическая.

Свобода конкуренции — вот к чему сводятся все разговоры о «свободе». Свобода конкуренции есть неизбежный вывод из права частной собственности. Свобода обмена и торговли неотделима от права частной собственности. Свобода торговли, таким образом, есть подлинная «социальная свобода», учили физиократы³.

При таких условиях, т. е. при таком понимании общественного устройства государственной власти, не остается ничего другого, как предоставить общественный организм его естественному развитию, не вмешиваясь во взаимные отношения классов, не стремясь воздействовать на развитие общества.

Исходя из того, что единственным принципом политической экономии является свобода (est «de laisser tous libre»), естественный ход вещей, в области политической свобода должна получить полное свое развитие. В этой связи физиократы вводят новый момент. Это — безопасность. Она составляет необходимое условие нормального существования общества. Велерс правильно подчеркивает, что для физиократов принцип безопасности представляет собой только подкрепление и утверждение двух основ — собственности и свободы, ибо под безопасностью физиократы понимают не что иное, как «безопасность свободы», обеспечение и охрану собственности.

Нет свободы без безопасности, говорил Дюпон де Немур — один из виднейших физиократов. Таким образом, все экономическое, социологическое и политическое учение физиократов покоилось на трех китах: свобода, собственность и безопасность. Эти три понятия и составили девиз школы физиократов⁴.

Одним из основных принципов доктрины физиократов является неравенство. Они придерживались того взгляда, что развитие общества идет в направлении к все большему неравенству. Мерсье де ла Ривьер «учил», что рост богатства общества ведет необходимо к увеличению неравенства состояний, что естественное неравенство есть даже в первобытных обще-

¹ G. Schelle. Du Pont de Nemours et l'école Physiocratique, 1888, pp. 19—21.

² А. Онкен. История политической экономии до Адама Смита. (См. главу «Гурнэ и его либерально-административная школа», стр. 287—321.)

³ «Liberté, dans tous les cas, c'est libre concurrence...» «La liberté des échanges, déclare l'un d'eux, derive de la propriété; elle est «tellement inséparable de ce droit qu'elle se confond avec lui, et qu'il ne peut exister sans elle, comme elle ne peut exister sans lui». C'est la vraie «liberté sociale» (G. Weulersse. Указ. соч., т. II, стр. 19).

⁴ «Les Economistes réunissent les trois termes de propriété, de liberté, de sûreté, en une sorte de formule sacramentelle». (G. Weulersse. Указ. соч., стр. 31).

ствах результат различия способностей индивидов, что приобретение земельной собственности объясняется теми же естественными причинами. Закон собственности необходимо исключает равенство людей. Закон собственности они считали законом священным и неприкосновенным.

Все «естественное право» в конце концов заключается в праве на собственность¹. И задача государства, представляющего собой «правительство экономическое», сводится к защите собственности.

Гасбах прав, говоря, что положения, сформулированные Кенэ,— почти исключительно хозяйственно-политические принципы. «Естественное право Кенэ свелось к хозяйственному естественному праву». «В этом,— говорит Гасбах,— и состоит особенность и значение Кенэ, что он, побуждаемый потребностями своего народа, развил учение Локка о вечном праве на собственность и свободу в учение о естественном праве человека на экономическую свободу, как он ее понимал»².

Нам представляется, что физиократы впервые рассматривали общество в целом как экономическую организацию, что центром всей общественно-политической жизни являлась для них экономика.

«Священный принцип собственности является краеугольным камнем правительства» — государства³. Право собственности предшествует всем политическим законам. В силу этого законодательная власть не создает законов, а только «декларирует», разъясняет и провозглашает законы. Единственная положительная работа закона — это обеспечение безопасности собственности⁴.

Таким образом, единственными задачами общества и государственной власти являются обеспечение и охрана собственности. Государство призвано содержать армию для защиты собственников от каких-либо покушений. Вряд ли мы найдем в литературе более откровенное кредо буржуазии, чем у физиократов. Капитализм на заре своей истории грубо, но совершенно откровенно высказал устами своих идеологов свои заветные мысли и чаяния, свое подлинное мировоззрение.

Физиократы первые высказали тайну капиталистического общества, его внутреннее верование, состоящее в том, что заветный смысл жизни буржуазии состоит в приобретении богатств, во владении собственностью, в пользовании чужим трудом для своего обогащения, в эксплуатации человека человеком. Идеологи буржуазии, захватившей в свои руки средства производства и добившейся обладания крупной собственностью, всячески превозносят собственников и с пренебрежением и враждой говорят о лишенных собственности, обвиняя их в семи смертных грехах.

Собственники отличаются-де и разумностью, и активностью, и бережливостью, в то время как несобственники отличаются праздностью, беспечностью, ленью и... расточительностью⁵.

Собственник, говорит Тюрго, желает спокойно пользоваться своим богатством. Для этого ему необходима военная сила и всякие иные орудия власти против тех, кто готов нарушить спокойствие богатых. Порядок — вот лозунг буржуазии почти на всем протяжении ее правления.

Итак, правительство не имеет собственно никакой другой задачи, кроме защиты и гарантии каждому собственнику его богатства, его владения. Эта доктрина о праве собственности составляет базис всего

¹ А. Онкен. Указ. соч., стр. 357.

² W. Hasbach. Указ. соч., стр. 59.

³ «Le principe sacré de la propriété est la vraie pierre de touche des gouvernements» (G. Weulersse. Указ. соч., стр. 36).

⁴ Там же, стр. 37.

⁵ Тюрго. Размышления о создании и распределении богатств, 1905, стр. 7.

политического строя. Эта теория, уходящая своими корнями в римское право, была в новое время возобновлена Локком, введена во Францию Барбейраком и Бурламаки. Руссо также провозгласил, что публичная власть установлена для обеспечения частной собственности, которая предшествовала гражданскому праву. Теория о том, что право частной собственности предшествовало гражданскому строю, была в то время довольно широко распространена. Ее придерживались даже некоторые парламенты. Она была весьма выгодна для собственников, которые видели в ней средство защиты своих богатств. Право собственности выше всякого положительного законодательства, стоит над ним и определяет его. Оригинальность физиократов, говорит Велерс, состоит в том, что они политические принципы выводят из социальных принципов, иначе говоря, они объясняют политические учреждения социальными условиями и причинами, которые в свою очередь имеют своим основанием «порядок экономический»¹.

Мы уже говорили о взглядах, согласно которым то правительство наилучшее, которое воздерживается от управления, которое ничего не делает. Мирабо-старший уже выставил положение о том, что правительство должно «управлять вещами, а не людьми», которым должна быть предоставлена свобода, и этого вполне достаточно для правильного течения общественной жизни. Однако, чтобы обеспечить спокойную жизнь собственникам, физиократы требовали сильной власти, способной противостоять всякому «насилию» частных лиц. Государственная власть должна быть единой, абсолютной, деспотической и наследственной. Дюпон определяет эту власть как «легальный деспотизм»². Впрочем, понятие деспотизма было, повидимому, введено Мерсье де ла Ривьером. Все физиократы были монархистами. Монарх является, по «учению» физиократов, самым крупным собственником нации. Унаследовав от феодализма теорию, согласно которой монарх является собственником земли, физиократы провозгласили его в новых условиях совладельцем собственности национального имущества.

«Верховная власть, — пишет Кенэ, — должна быть едина и выше всех членов общества и всех незаконных посягательств частных интересов, так как целью господства и повиновения является достижение всеобщей безопасности и удовлетворение дозволенных интересов. Система многовластия является пагубным заблуждением, так как она повлекла бы за собой лишь распри сильных и угнетение слабых. Разделение общества на различные сословия граждан, из коих одним принадлежала бы верховная власть над другими, уничтожает обыкновенно общий национальный интерес и возбуждает среди этих сословий борьбу из-за своих частных интересов; подобное разделение извратило бы строй земледельческого государства, которое должно направить все частные интересы к одной основной цели — процветанию земледелия, являющегося источником богатства как самого государства, так и всех его граждан»³.

Государство должно поддерживать полную свободу торговли, так как самое надежное, совершенное и выгодное для народа и государства

¹ G. Weulersse. Указ. соч., стр. 38—39.

«L'autorité ne doit pas être insistée pour faire des lois; car les lois sont toutes faites par la main de Celui qui créa les droits et les devoirs; les lois positives ne doivent être que des actes déclaratoires des lois essentielles de l'ordre social. Si les ordonnances des souverains étaient en contradiction avec les lois naturelles, ce seraient des actes insensés qui ne seraient obligatoires pour personne» (Du Pont de Nemours. Origine et progrès d'une science nouvelle. Physiocrates, t. I, p. 349; цит. по G. Schelle, указ. соч., стр. 89).

² G. Schelle. Указ. соч., стр. 91.

³ Ф. Кенэ. Указ. соч., стр. 69—70.

управление внутренней и внешней торговлей заключается в установлении полной свободы конкуренции»¹. Адам Смит определяет систему физиократов как «систему естественной свободы» (a system of natural liberty)².

Из всего нами изложенного очевидно, что государственная власть лишена каких бы то ни было творческих задач. По существу эта власть является не столько законодательной, сколько исполнительной, так как ее задача, как мы видели, сводится к наблюдению над общественным организмом, чтобы обеспечить ему беспрепятственное выполнение своих функций; свободная конкуренция дает гарантию правильного функционирования общества. Государство должно только следить за тем, чтобы никто не нарушал «естественного хода вещей». Государственная власть при таких условиях превращается в административную власть, в управление и меньше всего в законодательство. Мерсье де ла Ривьер в соответствии с этим определяет государственную власть как «administration de la force publique»³. Все проекты реформ, исходившие от физиократов, в том числе и реформы Тюрго, относились главным образом к сфере административной⁴.

Во Франции во времена физиократов господствовал деспот и до него были другие, от них народ страдал, они довели страну и в особенности несчастное крестьянство до невиданной катастрофы, а физиократы все еще возлагали свои надежды на «просвещенного деспота», которому вручается абсолютная власть. Казалось бы, многовековый опыт с деспотами должен был научить физиократов кое-чему. Но увлеченные своими химерами относительно верховной власти, стоящей якобы над партиями, заботящейся будто бы только об общем благе, они строго придерживались своей утопии.

Возвращаясь к вопросу о государственной власти, напомним, что физиократы отстаивают наследственную монархию. Суверенитет и собственность — неотделимые друг от друга понятия: собственник является королем своей собственности, абсолютным владельцем, сувереном. Отсюда физиократы пошли еще дальше в утверждении абсолютной власти монарха, объявив его собственником суверенитета, возвращаясь, таким образом, к патриархально-феодальным понятиям и представлениям.

Физиократы выступали против ограничения королевской власти и против представительных учреждений, которые тогда стояли в порядке дня и являлись исторической необходимостью. Они боялись народа, боялись любого представительства, хотя бы и цензового, так как собственность была бы «плохо представлена», собственники пали бы жертвой «жадности других классов», народной массы⁵.

Массы, писали физиократы откровенно, стремятся к равенству, к ниспровержению социального порядка. Демократия для физиократов была

¹ Ф. Кенэ. Указ соч., стр. 77.

² А. Смит. Исследование о природе и причинах богатств народов, т. II, 1935, стр. 231.

³ В. Gunzberg. Указ соч., стр. 72.

⁴ Там же, стр. 72.

⁵ Это отрицательное отношение физиократов к представительному образу правления не помешало Дю Пону де Немуру не только стать депутатом Учредительного собрания, но даже занять пост председателя Законодательного собрания, а при Директории — президента совета старейшин. Во время революционных боев он создал собственный отряд для борьбы с революцией, поскакал с отрядом спасать Людовика XVI от гнева народа. Из остальных видных физиократов никто до революции не дожил. Дю Пон впоследствии эмигрировал в Америку, где совместно с сыновьями основал пороховой завод и другие предприятия, явившись, таким образом, «основоположником» династии миллиардеров и военно-химического концерна «Дю Пон де Немур» (G. Schelle. Указ соч., см. гл. XVI).

тождественна с мятежом. Они были неоднократно свидетелями восстаний крестьянства и городской бедноты, вызванных голодом и насилиями со стороны государства и привилегированных классов. Физиократы эти «беспорядки» объявляли «демократией».

«Основная конституция общества,— пишет Кенэ,— и естественный порядок управления установлены до издания положительных законов распределительной справедливости; это письменное законодательство не может иметь ни другого основания, ни других принципов, кроме тех самых естественных законов, которые устанавливают основы общественного строя»¹.

«Первоначальный закон общества,— говорит Кенэ в другом месте,— вошел в общий план создания вселенной, в каком-то плане все предусмотрено и устроено высшей мудростью»².

Основные общественные законы установлены не людьми. Законодательная власть первоначально исходит от верховной воли творца. Это естественные законы, являющиеся одновременно и физическими законами, по которым «происходит воспроизводство благ, необходимых для питания, продолжения существования и удобства людей». «Человек, стало быть, отнюдь не является творцом этих законов, регулирующих ход явлений природы и человеческий труд, который вместе с силами природы должен содействовать воспроизводству благ, потребных для людей. Весь этот порядок составляет часть физического устройства; это же устройство (cette constitution) образует физический порядок, подчиняющий своим законам людей, соединенных в общество; лишь с помощью своего ума и взаимной ассоциации и соблюдая притом эти естественные законы, люди могут достигнуть изобилия необходимых им благ»³.

В сущности, это учение воспроизводит богословскую доктрину о происхождении власти от бога. Физиократы только облекли свое «теократическое» учение в квазинаучную форму. По существу же доктрина физиократов насквозь проникнута реакционными богословскими идеями. Они стремились возвести капиталистический порядок с его центральной идеей частной собственности в божественный порядок. По их учению, творец заранее позаботился о производстве и воспроизводстве материальных благ, необходимых для питания, продолжения рода и даже для удобства человека. Существующий порядок с его основой — частной собственностью — потребовалось увековечить, объявить неприкосновенным, неизменным, священным, созданным самим богом, чтобы никто не посмел нарушить его. Это своеобразное политическое учение признает верховную власть только за богом; экономический строй, т. е. капиталистическую систему, систему эксплуатации,— частью вселенной, частью физического мира в целом. Недаром один из видных физиократов, Мерсье де ла Ривьер, говорил об «экономической физике», которая является — де более обоснованной наукой, чем подлинная физика.

Положительное законодательство, т. е. то законодательство, которое исходит от людей, может быть только простым комментарием к естественному первоначальному законодательству, исходящему от творца.

«Божественное законодательство,— пишет Кенэ,— должно прекратить всякое разногласие относительно самого законодательства и подчинить

¹ «La constitution fondamentale de la société et l'ordre naturel de gouvernement sont donc établis préalablement à l'institution des lois positives de la justice distributive; cette législation licérale ne peut avoir d'autre base ni d'autres principes que les lois naturelles mêmes, qui constituent l'ordre essentiel de la société» (Oeuvres économiques..., p. 650). Ср. Ф. Кенэ. Указ. соч., стр. 50.

² Там же, стр. 641; Ф. Кенэ. Указ. соч., стр. 35.

³ Oeuvres économiques..., p. 642.

исполнительную власть и нацию этому высшему законодательству, так как оно раскрывается людям при посредстве разума, развитого воспитанием и изучением природы, которая не допускает иных законов кроме свободного функционирования разума»¹.

Экономическая деятельность составляет содержание всей общественно-политической жизни. Поэтому самой важной наукой является наука экономическая. Но экономическая наука должна руководствоваться всецело «естественными законами», установленными раз навсегда творцом. Что же остается на долю экономической науки?

Положительные законы, которые руководствовались бы принципами экономической науки, не могут регулировать даже режима агрикультуры. Земледелец подчинен естественному порядку, говорит Кенэ, и должен поэтому соблюдать одни только физические законы и те условия, которые они предписывают. Этими же законами должна руководствоваться и администрация.

«При хорошем управлении, — пишет Кенэ, — превосходство и соблюдение естественных законов внушает благочестие и поддерживает честь, которая царит в сердцах просвещенных людей; они проникаются совершенством этих законов, установленных верховной мудростью для счастья человеческого рода, одаренного разумом, необходимым для того, чтобы вести себя разумно»².

Разум дан для того, чтобы вести себя разумно! Физиократы, в соответствии с общим духом эпохи, верили в силу разума, в силу просвещения. Они очень высоко ставили знание, требуя от каждого члена общества и от государственной власти усвоения и изучения законов естественного порядка.

Однако человеческому разуму, якобы абсолютно свободному, с самого начала ставилась преграда, так как он не должен был выйти за пределы установленных якобы высшей мудростью законов и правил.

Несмотря на попытку физиократов закрыть рот критикам их системы ссылкой на требования разума, совести, знания (как они его понимали), нашлись все же строгие критики, которые, пользуясь тем же разумом, доказывали несостоятельность их учения. Мабли открыто выступил против того, что собственники, которые, ничего не делают, проводят жизнь в праздности и заняты только тем, что едят, спят и руководят, т. е. хозяйничают, владеют богатствами, а народ живет в нищете. Собственность — вот то зло, которым объясняются все бедствия людей. Физиократы стремились показать, что интересы собственников и живущих на заработную плату солидарны. На самом деле, конечно, их интересы прямо противоположны, и именно то обстоятельство, что программа физиократов оказалась противоречащей интересам народных масс — интересам бедняков, рабочих и живущих вообще заработной платой, должно было повести к поражению этой школы³.

Противники физиократов противопоставили праву собственности право труда и принципу свободы принцип равенства⁴. Совершенно естественно, что при тех условиях, которые переживала тогдашняя Франция, рекомендуемый физиократами режим «легального деспотизма» должен был встретить серьезную оппозицию. Идеалом государственного и общественного устройства для Кенэ являлся, как известно, Китай, прославлению

¹ Ф. Кенэ. Указ. соч., стр. 40.

² Там же, стр. 60.

³ G. Weulersse. Указ. соч., т. II, стр. 626.

⁴ Там же, стр. 652. «Inégalité dans la propriété, mais égalité dans la liberté», — учили физиократы.

